

УДК 316.3 ББК 60.5

Беляева Людмила Александровна –

д-р социол. наук

Институт философии РАН, г. Москва

e-mail: bela46@mail.ru

ИНСТИТУТ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Ключевые слова: институт собственности, этапы приватизации, «власть-собственность».

За прошедший 25-ти летний постсоветский период произошли значительные изменения в институциональной системе российского общества. Собственность как центральный институт, определяющий условия и практику деятельности экономических агентов, претерпела наиболее радикальные изменения и теперь, по прошествии четверти века есть возможность оценить и проанализировать проблемы экономической и социальной эффективности изменений. Можно отметить, что сам процесс преобразования отношений собственности не окончен, но основные черты сложившейся системы уже обозначились довольно четко и имеют своих горячих и влиятельных сторонников, как и критиков и противников. Важно подчеркнуть, что преобразования в отношении собственности продолжают затрагивать всю систему жизнедеятельности общества, жизненные интересы групп и слоев, коллективов и отдельных граждан. Происходят изменения в социальной структуризации общества, возникли новые эффекты материального и социального неравенства, что сказалось на возможностях социального восхождения, политическая и социальная консолидация получила новые препятствия, возникла целая палитра мнений о социальной справедливости в перераспределении собственности и ее использовании. Даже исходя из перечисленного, стоит рассмотреть проблему экономической и социальной эффективности института собственности в современной России.

В начале 1990-х годов в России произошло изменение социально-экономического строя, ликвидирована монополия Коммунистической партии, начался переход от плановой к рыночной экономике. Центральным звеном этих трансформаций является изменение отношений собственности, с которыми связывалось преодоление глубокого экономического кризиса российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой организации экономики, отсутствием эффективных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу. Важную роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной

приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Экономические преобразования с самого своего начала напоминали напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны – одних как активных участников, других как сторонних эмоциональных наблюдателей.

Можно выделить несколько условных этапов приватизации и разгосударствления собственности. В рамках первого этапа (1992–1994) была проведена так называемая малая и чековая приватизация – продажа предприятий через аукционы. На этом этапе было приватизировано до 70 % предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующим близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие четкого правового регулирования, открытие рынков

капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и не к созданию богатства внутри страны, а к выводу активов за рубеж.

Второй этап – начат в 1995 г. – был реализован в виде залоговых аукционов, проведенных с целью пополнения государственной казны за счет кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефтегазового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995-1996 гг. (прежде всего – отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение бюджета любыми методами) и ряда банков (захват контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; разворачивание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО «Норильский никель» [Радыгин 1998].

Третий этап, начавшийся в 1996 г. и продолжающийся по настоящее время, это продажа государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие стовор претендентов на эту собственность. Крупная собственность продается на внутророссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается

интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточенных акционерных войн, сопровождающихся рейдерскими захватами как, например, в начале 2000 годов на московском заводе «Кристал», предприятии «Мосхимфармпрепарат», кондитерском концерне «Бабаевский»,

ОАО «Айс-Фили» и других не только московских предприятиях. До сих пор нередко практикуется отъем собственности путем прямого рейдерского захвата, процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия. На всех трех этапах отмечается участие в приватизации криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью.

Проведение приватизации и последующее перераспределения собственности не сопровождались в России рациональной промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Многие новые собственники, став владельцами предприятий, основное внимание обратили на продажу имеющихся в их распоряжении активов, вывод полученных средств за рубеж и использование их на престижное потребление. Воздействие государства на развитие ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства, обеспеченной по наиболее значимым проектам финансовыми ресурсами. Государственно-частное партнерство способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны. Но эта технология используется в России не часто.

Одним из весомых изъянов при реформировании собственности было то, что на конституционном уровне не была урегулирована частная собственность юридических лиц, что обусловило отчуждение коллективов от владения и управления собственностью в России. По мнению видного юриста В.К. Андреева, произошло полное отчуждение трудящихся от средств производства, которые стали частными. При приватизации трудовой коллектив государственного (муниципального) предприятия целиком исключается из управления имуществом, а право полного хозяйственного ведения, которое юридически приравнивалось к праву собственности, трансформировалось в частную собственность коммерческой организации. Зачатки частной трудовой собственности были загублены [Андреев 2007].

Существенному изменению были подвергнуты положения Конституции и Гражданского кодекса, относящиеся к собственности на землю. В Конституции (глава 9) отмечается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. При этом земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Но по Закону РФ от 21 февраля 1992 г. N 2395-1 «О недрах» (в ред. от 18 июля 2008 г.)

недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью. Участки недр не могут быть предметом купли, продажи, дарения, наследования, вклада, залога или отчуждаться в иной форме. Права пользования недрами могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому в той мере, в какой их оборот допускается федеральными законами. При этом существенные изменения произошли в распределении горной ренты – дохода от хозяйственного, коммерческого или иного использования недр, извлечения запасов полезных ископаемых. В советский период происходило социально ориентированное использование горной ренты – для финансирования образования, здравоохранения и других социальных программ, в период расцвета нефтедобычи (1975-1985 гг.) 50 % госбюджета формировалось за счет полного безналогового изъятия горной ренты. Положение резко изменилось после приватизации предприятий нефти-газового сектора. Использование природных ресурсов в начале постсоветского периода, особенно в нефтяном секторе, осуществлялось в благоприятном налоговом режиме (2-3 % от стоимости товарной нефти в 1992-2001 гг.), что позволило в переходный к рынку период за короткое время создать финансовую олигархию. С января 2002 г. была введена новая схема налогообложения, позволившая изымать большую часть горной ренты, что наполняло бюджет страны до 45,5 % (2005 г.) по сравнению с 21,6 % в 2003 г. [

<http://www.promved.ru/next/article/?id=768>]. Но значительная часть ренты остается у частных владельцев этих предприятий. Между тем недра – это общенародная собственность и, как писал академик Д. С. Львов необходимо обращение рент от использования природных ресурсов в общественные доходы, которые будут аккумулироваться в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов и составит чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Доходы от использования природных ренты могли бы идти на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды [Львов 2007]. Неоптимальное, стремительное, законодательно не отработанное разгосударствление собственности предопределило перекосы в отраслевой структуре экономики и падение, относительно советского периода, производительности труда. Даже по данным Росстата, которого часто упрекают в необъективности, экономика демонстрирует недопустимо низкие показатели производительности труда. В 2015 г. только в сельском хозяйстве по сравнению с прошлым годом отмечен рост этого показателя (на 0,5 %) в строительстве производительность была на уровне прошлого года, по всем остальным отраслям отмечено его снижение [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm]. За более длительный период, который охватывают сроки выполнения президентских указов, намечалось повысить производительность труда

с 2011 по 2018 гг. на 50 %, но реальное повышение в 2012-2015 гг. составило только 4 %. Для выполнения намеченного в Указе ежегодный рост должен составлять 20 %, что совершенно не реально.

В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости Российской Федерации в 2015 г. максимальную долю занимала оптовая и розничная торговля, доля обрабатывающей промышленности составляла в 2015 г. 17,0 %, снизившись по сравнению с 2005 г. Стабильна в этот период доля сельского хозяйства, более-менее заметно (около 3 п.п.) выросли такие отрасли как операции с недвижимостью, а также управление и обеспечение безопасности. В остальных отраслях изменения валовой добавленной стоимости не столь заметны – до 1 п.п. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm].

Стагнация роста производительности труда и несвоевременной структуры отраслей – это одни из заметных характеристик состояния экономики, его медленной структурной перестройки и диверсификации. В пореформенный период был снижен технический потенциал гражданских отраслей экономики, разрушались старые производства, на которых было занято основное работающее население, а новые обрабатывающие производства почти не создавались.

Прирост числа вновь созданных предприятий, особенно обрабатывающих отраслей, в последнее десятилетие весьма невелик. В 2005 и 2015 гг. наибольшая активность по созданию предприятий была сосредоточена в сфере операций с недвижимостью, в 2005 г. активно создавались сельскохозяйственные предприятия, в 2015 г. активизировалось создание предприятий торговли, но в обрабатывающих отраслях число вновь вводимых предприятий не только не выросло, но и сократилось. Среди них предприятия, производящие машины и оборудования, требующие значительных капитальных вложений и организационных усилий, составляют незначительное число: 2005 г. – 67, 2010 г. - 25, 2015 г. - 56 предприятий на всю России. При этом основной прирост новых обрабатывающих предприятий в этот период приходится на пищевую промышленность (110) и металлургию (70). Как существенное достижение можно отметить, что было создано 70 новых предприятий по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

Новые показатели, разработанные Росстатом – коэффициент рождаемости и коэффициент ликвидации предприятий, показывают, что второй показатель в 1,5 раза превышает первый [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/inst-preob/demo-org.htm].

Восстановление индустриального потенциала столь низкими темпами непосредственно сказывается на занятости населения и его профессиональной структуре. Численность занятого населения в обрабатывающих производствах сократилось с 2005 по 2016 гг. с 18,7 % до 14,5 % [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#]. Перетекание

рабочей силы из промышленного сектора в обслуживание и торговлю означает ко всему прочему и утрату навыков квалифицированного индустриального труда и производственной дисциплины, которая будет вновь востребована при реиндустриализации экономики.

Можно заключить, что социальная и экономическая эффективность института собственности в современной России остается недостаточно высокой. Те преимущества частной собственности, которые демонстрируют страны с длительным опытом функционирования рыночной экономики, в условиях России показали свою эффективность преимущественно в сфере торговли и услуг населению. В сфере среднего и крупного предпринимательства развитие индустриальных производств остается недостаточно эффективным. Сложилась такая нефеодалская система «власть-собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур и макроэкономических рисков. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж и паразитарное потребление вместо инвестиций в производство. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», в результате «криминального банкротства», или рейдерского захвата. В свою очередь крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных для развития собственного бизнеса условий и бюджетного финансирования. Достигнуто выгодное обеим сторонам слияние собственности и власти, при этом говорить о равенстве условий для развития бизнеса можно только с большой натяжкой. Это порождает чувство несправедливости, которое транслируется и в далекие от предпринимательства круги, деформирует трудовые ценности и деловую активность среднего класса – основного поставщика предпринимателей в России.

Список литературы:

1. Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер. 2007. // <https://gisher.org/v-k-andreev-o-prave-chastnoy-sobstvennosti-v-rossii-2007-t47387.html>
2. Львов Д. Стратегия развития России // «Перспективы. Электронный журнал» // http://www.perspektivy.info/table/strategija_razvitija_rossii_2007-03-16.htm
3. Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3, Том VII. С. 3–32.